
Алексей Смолин
1476
18+

Алексей Смолин

1476

«Автор»
2026

Смолин А.

1476 / А. Смолин — «Автор», 2026

Илья Соколов приезжает в родной городок разобрать квартиру погибшей сестры. В углу он находит старый ламповый приёмник, тёплый на ощупь, хотя он отключён от сети. В три часа ночи приёмник оживает: спокойный женский голос читает сводку погоды, а потом — список имён и адресов.К утру одного из этих людей находят мёртвым. На следующий вечер голос называет самого Илью.В городке есть люди, которые слышат эту частоту уже двадцать шесть лет. Все они глухи на одно ухо. У них есть семь правил, подвал в библиотеке, электрический чайник и всё меньше надежды. Илья узнаёт, что его семья связана с этой частотой в трёх поколениях, что на бетонной стене под старой вышкой имена пишут сами слушатели и что его сестра спустилась туда не случайно.Чтобы эфир замолчал, его нельзя заглушить. Его можно только опустошить — и для этого нужно, чтобы имена помнило больше людей, чем голос успеет унести.

© Смолин А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Смолин
1476

Глава 1. Наследство

Ключи от квартиры Веры лежали в конверте вместе с квитанцией на вывоз мебели. Илья перечитал адрес, хотя знал его наизусть, и поднялся на четвёртый этаж пешком — лифт в доме не работал с тех пор, как в нём поселился какой-то новый жилец.

Дверь открылась легко. Он ждал, что ударит запах, но пахло просто пылью и чуть-чуть — старым лаком.

Квартира была маленькая и очень аккуратная. Вера всегда так жила: чашки на полке ровно, полотенца сложены по линейке. Илья поставил сумку посреди комнаты и несколько секунд стоял, не зная, за что браться. У людей, когда они умирают, остаётся слишком много вещей.

Он начал с кухни. Складывал в коробку, подписывал маркером. Посуда. Тряпки. Ложки, которые не нужны никому. К обеду коробок было шесть, и он почувствовал, что может дышать.

Фотографии нашлись в нижнем ящике комода. Точнее — не нашлись. Из рамок были вынуты снимки, а сами рамки стояли рядком, пустые, протёртые от пыли. Илья пересчитал: семь рамок. Он помнил, что на одной из них была их мать, на другой — сам он, лет двенадцати, с разбитым коленом. Снимков не было.

— Ну и ладно, — сказал он вслух. Голос в пустой квартире прозвучал глупо.

Приёмник он заметил не сразу. Тот стоял в углу за занавеской, на табуретке, как будто его специально спрятали от чьих-то глаз. Ламповый «Океан» в деревянном корпусе, с облупившейся шкалой. Такие в восьмидесятых стояли почти в каждой семье, а потом их выносили на помойку целыми штабелями.

Илья провёл ладонью по корпусу и отдёрнул руку.

Приёмник был тёплый. Не горячий — просто тёплый, как спинка стула, с которого только что встали.

Он потрогал шнур. Шнур лежал на полу, аккуратно свёрнутый в кольцо, и вилка была обмотана изолентой — Вера всегда так делала, чтобы не путались. В розетку он не был включён. Розетка вообще была занята холодильником.

— Окей, — сказал Илья.

Он был инженером. Он двадцать лет чинил технику и знал, что тёплых без питания приборов не бывает, кроме тех, у которых внутри аккумулятор, а тут аккумулятор шёл отдельным блоком и лежал рядом, мёртвый, с вытекшими контактами. Илья потрогал его. Холодный.

Тогда он замерил корпус мультиметром. Ноль.

Он замерил ещё раз, на другом пределе. Ноль.

Потом он поставил приёмник обратно на табуретку, накрыл занавеской и пошёл мыть руки, потому что руки почему-то стали липкими.

К вечеру он собрал одиннадцать коробок, вынес мусор и сел на пол у окна с бутербродом. За окном был двор с турником и мусорными баками, и в этом дворе ничего не происходило уже лет тридцать. Городок был маленький. В нём жили либо те, кто не смог уехать, либо те, кто вернулся.

Илья вернулся.

Ночью он спал на её диване, в её пледе, и ему ничего не снилось — впервые за три месяца. Проснулся он от того, что в комнате кто-то говорил.

Он не испугался сразу. Сначала подумал — соседи, телевизор за стеной, кто-то в подъезде. Потом понял, что голос идёт из угла, из-под занавески, и что он женский, спокойный,

и говорит очень ровно, как диктор на радио, с едва заметной привычкой проглатывать окончания.

Занавеска была отодвинута. Шкала приёмника светилась — тускло, тёплым жёлтым, как лампа в коридоре.

Илья сел. Три часа ночи. Стрелка стояла на 1476.

— ...ветер северо-западный, умеренный, — говорил голос. — Температура воздуха ночью плюс три, днём плюс восемь. Атмосферное давление в норме. Осадков не ожидается.

Пауза. В приёмнике зашуршало, будто кто-то перекладывал бумаги.

— Далее. Список.

Илья уже тянулся к вилке, чтобы выдернуть шнур, и в этот момент вспомнил, что шнур не включён. Рука остановилась в воздухе.

— Соколов Андрей Петрович, — сказал голос. — Третий этаж, квартира двенадцать.

Тишина. Потом щелчок, будто катушка перескочила.

— Швецова Марина Ильинична. Улица Мира, дом четыре.

Тишина.

— Лопатин Григорий Семёнович.

Тишина.

— На этом передача завершена. Хорошей ночи.

Приёмник замолчал. Лампа погасла не сразу — она ещё секунду тлела, как уголёк, а потом в комнате стало темно и очень тихо.

Илья просидел так до рассвета, не зажигая света, со шнуром в руке, и всё думал: у него глухое левое ухо с восьми лет, он привык спать на правом, и сейчас он лежал на правом. Значит, голос он услышал здоровым ухом. Значит, это не сон и не помехи в голове.

Утром он вышел за хлебом и увидел во дворе скорую.

Дверь двенадцатой квартиры была открыта. На лестнице стояли двое в синих куртках и участковый, которого Илья помнил ещё по школе. Соседка с пятого этажа объясняла им что-то про сердце и про то, что он вчера ещё выносил мусор.

— А вы кто? — спросил участковый.

— Соколов. Из двадцать второй. Сестра тут жила.

Участковый кивнул, полистал блокнот.

— Андрей Петрович. Третий этаж, двенадцатая. — Он посмотрел на Илью. — Тихо как-то всё. Ни крика, ни врача не звал. Просто лёг и не встал.

Илья вышел на улицу. Было холодно, пахло мокрым асфальтом, и в киоске на углу продавали горячий чай. Он купил стакан, обжёг пальцы, долго смотрел, как над ним поднимается пар, и очень медленно, очень аккуратно, как будто боялся спугнуть, произнёс:

— Список.

Ветер северо-западный, умеренный. Тихо. Ни крика, ни врача.

Он вернулся домой, поставил приёмник в коробку, закрыл крышку и сверху положил словари. Потом сел напротив коробки на стуле и просидел так до вечера. Он ждал, что коробка заговорит. Коробка молчала.

А в девять вечера, когда он уже почти поверил, что всё это было от горя и от усталости, за занавеской, из-под словарей, очень отчётливо щёлкнуло. Раз. Другой. Как будто кто-то в темноте нащупывал ручку настройки.

И голос сказал:

— Здравствуй, Илья.

Глава 2. Запись

Он не ответил. Не потому, что помнил какое-то правило — правил он тогда ещё не знал. Просто голос был настолько спокойным, что отвечать ему казалось так же нелепо, как разговаривать с будильником.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал голос. — Не надо прятаться за словарями.

Илья сидел неподвижно. В квартире было слышно, как в холодильнике что-то перекатывается и как за стеной у соседей бормочет телевизор.

— Ну хорошо, — сказал голос, и в нём появилось что-то похожее на вздох. — Тогда слушай.

Щелчок. Шорох. И ровно, дикторски:

— Прогноз на девятое ноября. Облачно с прояснениями. Ветер северо-западный, умеренный. Температура ночью плюс два, днём плюс семь. Осадков не ожидается.

Пауза, длиной ровно в одну человеческую долгую секунду.

— На этом передача завершена. Хорошей ночи.

Приёмник замолчал. Лампа тлела, тлела и погасла.

Илья просидел на стуле ещё минут двадцать. Потом встал, снял со коробки словари, открыл крышку, вынул приёмник, поставил на стол и осмотрел со всех сторон, как осматривал бы любую другую технику, принесённую в мастерскую.

Он работал руками. Это было единственное, что помогало ему в последние три месяца: разбирать, чистить, паять, собирать обратно. Вера умерла в августе, и с тех пор он починил одиннадцать радиол, четыре магнитофона и два телевизора, которые ему принесли просто так, «чтобы отвлечься». Он никому не сказал, что часы, проведённые с паяльником, были единственными часами, когда он не думал.

Он снял заднюю крышку.

Внутри было чисто. Ни вздутых конденсаторов, ни перегретых дорожек, ни следов переделки. Схема заводская, шестидесятых-семидесятых, вся в пыли, но целая. Литой блок аккумуляторов лежал отдельно, в жестянке, и был мёртв, как и говорил: электролит вытек и высох коричневой коркой.

Илья включил мультиметр. Ноль. Проверил на пределе 200 мВ — ноль. Приложил щуп к корпусу конденсатора — те же нули.

Он отложил приборы и закурил в форточку, чего в квартире Веры делать было нельзя, а теперь было можно.

Тепло без тока не бывает, думал он. *И звук из отключённой схемы тоже не бывает. Значит, есть третье объяснение, и я его пока не вижу.*

Он докурил, закрыл форточку и включил приёмник в розетку — раз уж всё равно разобрал.

Шкала загорелась сразу, ярко, ровно. Динамик зашипел. Илья покрутил ручку настройки: станции ловились хорошо, слишком хорошо для такого старого аппарата. Он прошёл весь диапазон и остановился на 1476.

Тишина. Не шипение, не гул — просто тишина, как будто частота была выключена из мира.

Он взял телефон, включил диктофон и положил его рядом с динамиком. Потом сел, скрестив руки, и стал ждать.

Передача началась в три часа ночи, минута в минуту.

— ...атмосферное давление в норме, — говорил голос. — Осадков не ожидается. Далее. Список.

Илья смотрел на телефон. Красный кружок пульсировал, полоска времени ползла. Сорок секунд. Минута.

— Швецова Марина Ильинична. Улица Мира, дом четыре.

Ещё пауза. Илья поймал себя на том, что считает секунды. Ровно три.

— На этом передача завершена. Хорошей ночи.

Он выключил диктофон и сразу прослушал.

Шестьдесят четыре секунды шума. Ровный, плотный белый шум, как из динамика между станциями. Ни голоса, ни сводки, ни имён. Илья прокрутил ещё раз. Ещё раз. Потом надел наушники и стал слушать на скорости ноль семьдесят пять.

И вот тогда в шуме появилось то, чего в шуме не бывает.

Он не сразу понял, что это. Просто на фоне ровного шипения проступил медленный ритм — вдох, пауза, выдох. Вдох, пауза, выдох. Шесть секунд на цикл. Спокойное, глубокое, абсолютно человеческое дыхание.

Илья снял наушники. В комнате было тихо. Он посмотрел на телефон, потом на приёмник, потом снова надел наушники.

Дыхание не исчезло. Оно стало громче.

Он слушал его сорок минут. За это время ритм ни разу не сбился и ни разу не повторился точно — так дышат только живые, а не записанные. Потом он понял, что сидит с закрытыми глазами и что челюсть у него расслаблена, а плечи опущены, как перед сном.

Илье стало страшно. Не от того, что он слышал, а от того, что с ним происходило: впервые за три месяца ему не хотелось плакать. Он не думал о лестнице, о том августовском дне, о том, что не ответил на её последний звонок. Он просто слушал, как кто-то дышит, и его тело принимало это дыхание за своё.

Он выдернул наушники, выключил телефон, отключил приёмник от розетки и лёг.

Спал он до десяти утра. Без снов, без просыпаний, глубоко и хорошо. Утром он стоял у окна с чашкой и понимал, что это был лучший сон за три месяца, и что ему от этого тошно.

Двор был пустой. Дети ещё не вышли, машины не прогрелись. На лавочке у первого подъезда сидела женщина в сером пальто и смотрела прямо перед собой.

Илья знал её. Марина Ильинична Швецова, дом четыре по улице Мира, работала в городской библиотеке и вела кружок для детей. Вера иногда заходила к ней за книгами. Он помнил её смех — громкий, чуть визгливый, — и помнил, как она всегда махала ему рукой через двор.

Сейчас она не махала. Она говорила. Не ему, а просто в воздух, ровно и спокойно, глядя в одну точку на асфальте:

— Ветер северо-западный, умеренный. Температура воздуха ночью плюс два, днём плюс семь. Атмосферное давление в норме. Осадков не ожидается.

Пауза. Долгая секунда. И снова, сначала.

Илья стоял в окне и считал. На седьмом повторе он отошёл, сел на пол под окном и просидел так, пока в дверь не позвонили.

На пороге стояла девушка лет двадцати семи, в куртке не по погоде, с блокнотом, прижатым к груди.

— Вы Соколов? — спросила она. — Из двадцать второй?

— Да.

— Илья Андреевич?

— Да.

Она кивнула, будто это подтверждало что-то важное, и открыла блокнот. На последней странице, ровным почерком, была записана одна строка:

Соколов Илья Андреевич, 22.

— Это я записала три дня назад, — сказала девушка. — Я не знаю вас. Я не знала, что вы приедете.

Она подняла глаза.

— Меня зовут Настя. Нам нужно поговорить.

Глава 3. Лавка

— Сначала главное, — сказала Настя, когда они сели на кухне. — Вы слышали голос?

— Слышал.

— Отвечали?

— Нет.

Она выдохнула так, будто ей сняли камень с груди.

— Хорошо. Тогда вы ещё целы. — Она открыла блокнот на середине, полистала. — Первое правило: не отвечать. Никогда. Даже если он назовёт вас по имени. Даже если назовёт вашу мать. Даже если скажет что-то, чего не знает никто на свете. Особенно тогда.

— А что будет, если ответить?

Настя помолчала. Потом перевернула блокнот и показала ему страницу, где имена были перечёркнуты одной длинной чертой поперёк.

— Они начинают говорить сводкой, — сказала она. — Не сразу. Сначала просто отвечают, потом перестают удивляться, потом перестают спать. А через неделю вы встречаете их у магазина, и они стоят и рассказывают про атмосферное давление. И не узнают вас. И не могут остановиться.

Илья посмотрел на перечёркнутые имена. Их было много. Он не стал считать.

— Сколько вы этим занимаетесь?

— Год. — Настя захлопнула блокнот. — А до меня — Гриша. Двадцать шесть лет. Он вам всё расскажет сам, но сначала вам нужна катушка.

— Катушка?

— Провода. Метров двадцать, медного, одножильного. И паяльник у него тоже есть, но паяльник у вас свой, я видела, как вы смотрите на мою куртку.

Илья посмотрел на её куртку. Ткань была обожжена в двух местах, аккуратно, ровными кружками.

— Пойдёмте, — сказал он.

Лавка Лопатина находилась в подвале дома по улице Мира, вход с торца, вывеска от руки: «Ремонт. Запчасти. Всё для приёма».

Внутри было тесно и очень аккуратно. Радиодетали в коробках от конфет, лампы в ячейках, как яйца, магнитофоны штабелями, и в воздухе стоял запах канифоли, пыли и чего-то ещё, тёплого, вроде нагретого дерева.

Гриша Лопатин сидел за столом и паял. Ему было на вид далеко за шестьдесят: широкий, в клетчатой рубашке, с залысиной и руками, изрисованными мелкими шрамами от ожогов.

Он поднял голову, посмотрел на Настю, потом на Илью — и задержал взгляд на секунду дольше, чем нужно.

— Соколов, — сказал он. Не спросил.

— Илья.

— Ты в двадцать второй живёшь?

— Жила сестра. Она умерла в августе.

Гриша положил паяльник на подставку. Медленно, очень аккуратно, как будто боялся стукнуть.

— Вера Андреевна, — сказал он. — Диспетчер. Да. Я знал.

— Вы с ней разговаривали?

— Один раз. Она пришла за катушкой. — Гриша отвёл глаза. — Я ей сказал то же, что сейчас скажу тебе. Она не послушала.

Настя устроилась на табуретке в углу и молчала. Было видно, что этот разговор она слышала уже не раз.

— Катушку дадите? — спросил Илья.

— Двадцать метров, — кивнул Гриша. — Двадцать метров, не больше и не меньше, и второй конец на батарею. И это тебе не для того, чтобы ловить лучше. Это чтобы ловить

хуже. — Он поднялся, порылся в ящике, вытащил моток. — Когда провод на землю — сигнал слабеет, и голос вы слышите только в комнате. В наушниках — не слышите вовсе.

Илья взял моток. Провод был мягкий, старый, с потёртой изоляцией.

— Я слушал в наушниках, — сказал он. — Диктофоном. Ничего не поймал.

Гриша посмотрел на него.

— А сам что слышал?

— Дыхание.

Лавка стала очень тихой. Даже холодильник за стеной, казалось, притих.

— Дыхание, — повторил Гриша. — Вот оно. — Он снова сел. — Значит, ты не просто слушатель. Значит, она тебя уже взяла в работу.

— Кто «она»?

— Она. — Гриша обвёл рукой лавку, потолок, весь этот подвал с лампами и магнитофонами. — Двадцать шесть лет я её слушаю. Я её знаю лучше, чем жену покойную. И знаешь, что я тебе скажу, Илья Соколов? — Он наклонился вперёд. — Она никогда не называла меня по имени. Ни разу за двадцать шесть лет. А тебя — со второго вечера.

Настя в углу что-то тихо сказала, но Илья не расслышал.

— Почему?

Гриша поднял руку и показал на своё ухо. Правое. Он щёлкнул по нему пальцем, и звук вышел глухой, деревянный.

— С восьмидесятых не слышу, — сказал он. — Простудился в армии. Оно мне, как оказалось, жизнь спасло. — Он опустил руку. — А ты? Проверься-ка.

Илья не сразу понял, чего от него хотят. Потом понял и накрыл ладонью левое ухо.

Тишина. Полная, глухая, с детства знакомая тишина. Он не слышал даже собственного дыхания.

— С рождения?

— С восьми лет. Простуда.

Гриша долго молчал. Потом встал, снял с полки пыльную коробку из-под обуви и положил её перед Ильёй.

В коробке лежали фотографии.

Чёрно-белые, обрезанные неровно, наклеенные на картон. Ночная смена на ретрансляторе: пятеро мужчин в ватниках у бетонного ограждения, кто-то улыбается, кто-то смотрит в сторону. На обороте каждой — дата и подпись карандашом.

На одной, самой нижней, было написано: *Соколов А. П. 1986.*

Илья узнал лицо раньше, чем прочитал фамилию. Такой же нос, такие же тяжёлые брови. На фотографии был его дед.

— Твой дед работал на вышке, — сказал Гриша. — В ту ночь. Четверо погибли, он выжил и уехал из города через месяц. Об этом не писали, потому что было велено не писать. — Он постучал пальцем по карточке. — И знаешь, что самое интересное, Илья Соколов? Половина охотников в этом городе — дети тех, кто там был. Мы все тут не случайно. Частота ищет родню. Не по крови — по ушам.

Илья положил фотографию обратно. Руки слушались, но во рту было сухо.

— Моя сестра знала?

— Твоя сестра пришла ко мне в марте за катушкой. — Гриша закрыл коробку. — И спросила, как её выключить навсегда. Я сказал, что никак. Я сказал: слушай в комнате, не отвечай, не ищи своё имя. — Он помолчал. — Она искала.

Обратно Илья шёл пешком, с мотком провода под курткой, натянув капюшон. Настя шла рядом и молчала до самой арки.

— Он вас не предупредил, — сказала она наконец.

— О чём?

— О том, что было в коробке. — Она посмотрела на него. — Там пять фотографий. На четырёх — те, кто погиб. А на пятой — ваш дед. И ещё одна, которую он вам не показал. Там женщина в наушниках, за пультом. — Настя помолчала. — Гриша её не знает. Он двадцать шесть лет думает, что это диспетчер со станции. Но пульт — не станционный. Пульт с вышки.

Они дошли до подъезда. Илья взялся за ручку двери и вдруг понял, что за всё это время не задал самого простого вопроса.

— Настя. А почему вы слышите её двумя ушами?

Она ничего не ответила. Просто приложила ладонь к правому уху, потом к левому, и пожала плечами так, будто это было худшее, что с ней случилось.

— Потому что я не глухая, — сказала она. — Мне нечем от неё закрыться.

Он поднялся к себе, размотал провод, прикрутил один конец к батарее и привязал другой к ножке приёмника, как велел Гриша. Включил в розетку. Настроился на 1476.

Тишина. Не та, что раньше, — другая, тугая, будто кто-то зажал рот ладонью.

В три часа ночи приёмник щёлкнул. И голос сказал:

— Ты был у Лопатина. Хорошо. Он тебе много не расскажет — он сам половину забыл. — Пауза. — Спроси его про пятую фотографию.

Илья сидел в темноте, не двигаясь.

— Спроси, — повторил голос мягко. — И потом спроси у себя, почему ты до сих пор не спросил, кем была твоя сестра на самом деле.

Глава 4. Охотники

Подвал библиотеки был не библиотечный. За служебной дверью, за столом с формулярами, начинался коридор, а в конце коридора — комната без окон, где когда-то хранили списанные фонды, а теперь стояли четыре стула, стол, электрический чайник и магнитофон «Весна», подключённый к антенне, натянутой под потолком, как бельевая верёвка.

Илья пришёл в четверг. Настя провела его через служебный вход и предупредила: «Не спорьте с ним. Он дольше всех».

Их было трое за столом.

Гриша сидел у чайника, как у себя дома.

Толя Кац, лет пятидесяти, в очках с толстой оправой, инженер с теплосетей. Глух на левое ухо. Говорил быстро и всё время что-то записывал, даже когда слушал.

Светлана Борисовна, женщина под семьдесят, бывшая учительница музыки, сухонькая, с прямой спиной. Глуха на правое. За двадцать лет она слышала передачу трижды и каждый раз — по одному слову.

Четвёртый стул был пустой. На нём лежала Настина куртка.

— Итак, — сказал Толя, когда Илья сел. — Вы новый. Соколов. Четвёртый Соколов, который к нам приходит.

— Четвёртый?

— Дед, потом две его дочки. Одна из них — ваша мать, она пришла однажды, в девяносто восьмом, и больше не приходила. Другая — тётя, кажется, Лида. — Толя посмотрел в свои записи. — И сестра. Итого четверо, если считать вас.

Илья сидел очень прямо. Он вдруг понял, что за три месяца после похорон ни разу не спросил себя, почему Вера, диспетчер метеостанции, в последние полгода перестала отвечать на звонки после одиннадцати вечера.

— Давайте по порядку, — сказала Светлана Борисовна. — Молодой человек, у вас есть блокнот?

— Нет.

— Настя, дай ему блокнот. — Она дождалась, пока Илья возьмёт. — Теперь слушайте и записывайте. Семь правил. Их придумали не мы, их придумали до нас, и мы уже не помним, кто.

Она начала диктовать, а Толя подхватывал — так, будто они читали это вдвоём не первый раз.

Первое. Не отвечать. Никогда, ни слова, ни звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.